

Соломон Исаакович Воложин

Из Актів открытия художественного смысла произведений, помещенных на данном сайте

Оригинал находится здесь: <http://magister.msk.ru/library/publicat/volozhin/volozhin.htm>

Акт 23-й. (О повести Огнева "Евразия")

В начале своих занятий этим циклом статей я, ища в Интернете что-нибудь о Блейке, не наткнулся на слова о нем и "о непосредственности чувства, которой следует дорожить больше, чем любыми ухищрениями" (http://www.krotov.org/libr_min/o/orwell/blake1.html). Так хоть теперь пусть они сработают - для открытия художественного смысла "Евразии" Николая Огнева (<http://www.magister.msk.ru/library/prose/ognen001.htm>).

Смотрите:

"...- это все мои владения, - рассказывал ветер, и когда тебе надоест музыканить с поездом, то летим со мной, - со мной, со мной!

Валюське еще не надоело, а поезду надоело отбивать две четверти, и он забарабанил триолями.

- Тараты-караты-куплю аппараты, и траты, и братья, и грома раскаты, - слова подобрала Валюська, поезд согласился на тараты-караты, и в знак согласия дал длинный свисток".

Но какая прелесть, а? Читаете, а - слышите!

Или вот:

"...только Валюська, садясь в поезд, заметила, что добро взял ее билет очкастый кондуктор, добро улыбнулся носильщик, валивший на полку страшно тяжелый чемодан лакированного господина, зато уж сам лакированный глянул совсем не добро, а сладко и масляно и полузакрыв, желая приласкаться, черные, смазанные жиром, глаза.

- Нет уж, не приласкаешься, нет, - строго решила Валюська, - слова не выжмешь, хоть изойди жиром.

И сказала ему глазами: прощай, до свидания, одним словом: я с вами незнакома, между нами все кончено, адью".

Читаешь, а - видишь.

Это восемнадцатилетняя девушка едет к жениху, поручику Раздеришину, в запасную бригаду, тренирующуюся за две тысячи верст от русско-германского фронта. Идет первая мировая война.

И с таким смаком описывается все, в том числе и негатив, что, казалось бы, это второй Бабель с его историческим оптимизмом. Но... Нигде-нигде, хоть он и умер в 1938 году, не пишут, что Огнев советский писатель. Всюду - русский.

И правильно. Потому что его мировоззрение, - по крайней мере в "Евразии" это запросто видно, - есть мировоззрение разочаровавшегося в действительности и нашедшего спасение в "непосредственности чувства".

И сюжет - соответствует.

На тренировочном фронте, хоть Валюська и испугалась, хоть там и случился эксцесс - стреляли по своим, - там с Раздеришиным ничего плохого не случилось. И дуэли с их общим другом Арбатовым - тоже. Потом идет скачок сюжета, который я смог понять лишь порывшись в истории. Видно, на фронт Раздеришин попал - на русско-турецкий; видно, бежал в Турцию от русской революции; видно, примкнул к турецкой революции, так как она вылилась из национально-освободительной борьбы против Антанты, помогавшей Греции урвать себе западную Анатолию. Сюжет с тренировочного фронта сразу бросает нас, читателей, в Турцию, где Раздеришин, партизаня, остается невредимым и там. Непосланное (и недописанное) письмо Раздеришина Арбатову показывает, что тот, влюблен в Валюську, остался в России и, видно, на Валюську имеет виды. И, чувствуя это, Раздеришин ему грозит. А сам изменяет Валюське с турчанкой (он ее называет Евразией), подкармливающей партизан, взрывающих мосты. Потом опять скачек сюжета. Раздеришин, видно, нелегально вернулся в Россию; видно нашел отца Валюськи. А тот теперь поп при кладбище. В склепе сделал себе, - думает, тайком, - кабинет, где пьет немилосердно. Там и Раздеришина спрятал и поит. Обрывками, как и все в повести, идут советские будни: ночные расстрелы-похороны на кладбище, гуманные - с попом; в мастерской субботник, мучительно затянувшийся до ночи, но кончившийся все же победой - починили-таки мотор... Монтажом - наутро: Раздеришин просыпается в склепе, вспоминает, что приходила - ругаться на попа-пропойцу - Валюська; не узнала Раздеришина, ушла; намек попа на Арбатова с Валюськой. Все - кошмар.